

Бутеев Дмитрий Валерьевич,
ОГБОУ ВО «Смоленский государственный
институт искусств»,
доцент кафедры гуманитарных и
социально-экономических наук,
кандидат филологических наук,
Boutya@mail.ru, Смоленск,
8-915-647-45-64,
УДК 821.161.1

Религиозная лирика Н.А. Энгельгардта

Ключевые слова: религиозная лирика; Н.А. Энгельгардт; Серебряный век; мемуары; Смоленщина.

Аннотация: В статье анализируется одна из граней разностороннего творческого наследия Н.А. Энгельгардта – одного из представителей Серебряного века. Религиозная лирика занимает важное место в художественном мире Н.А. Энгельгардта. Своей поэтической миссией он считал пробуждение религиозного чувства в сердцах забывших Бога людей. В поле зрения научного анализа попадают и не публиковавшиеся ранее стихотворные произведения.

В феврале этого года исполнилось 150 лет со дня рождения одного из представителей Серебряного века – писателя, поэта, философа, журналиста и общественного деятеля – Н.А. Энгельгардта. Многогранное обширное творческое наследие этого неутомимого труженика пера, родившегося и большую часть жизни прожившего в городе на Неве, но считавшего себя смолянином, мало известно и исследователям и рядовым читателям. Причин этому сразу несколько – монархические воззрения, своеобразные эстетические установки, повышенная требовательность к своему творчеству и некоторые другие. Наибольшую известность из созданного Н.А. Энгельгардтом, получила его историческая проза, но и она опубликована далеко не полностью – лишь четвертая её часть увидела свет, да и та в основном в дореволюционной периодике.

Что касается поэзии, то ей, на наш взгляд, повезло меньше всего из творческого наследия Н.А. Энгельгардта. Он рано осознал в себе дар стихотворца. Отец – известный химик, автор писем «Из деревни» А.Н. Энгельгардт – обратил внимание на это и познакомил сына с элементарными правилами написания стихов, в восемь лет мальчик уже знал, что такое стопа, рифма, размеры, цезура. Первое стихотворение было опубликовано в 1886 году в «Вестнике Европы», а в 1889 году (на книге указан 1890-й) увидел свет дебютный поэтический сборник Н.А. Энгельгардта. В дальнейшем им было создано ещё 9 сборников, но ни один из них издан не был, более того в РГАЛИ, в фонде семьи Энгельгардтов, они тоже отсутствуют. Велика вероятность того, что они утрачены.

На сегодняшний день сохранившееся поэтическое наследие Н.А. Энгельгардта – это уже упомянутый первый сборник, хранящийся в С.-Петербурге в РПБ, небольшая подборка в коллективном поэтическом сборнике «Молодая поэзия» 1895 года, несколько оригинальных и переводных стихотворений, публиковавшихся в периодике в первой половине 1890-х годов, 4-5 рукописных текстов, хранящихся в РГАЛИ, и примерно столько же стихотворений и 2 крупных фрагмента «Лествица» и «Часы бессмертия. Исторические картины Смоленска» в мемуарах «Эпизоды моей жизни», которые тоже хранятся в РГАЛИ и ожидают своей публикации.

В этой статье мы рассмотрим религиозные стихотворения Н.А. Энгельгардта. Следует отметить, что его мировоззрение формировалось в семье, где господствовали материалистические и атеистические взгляды. С рождения ребёнка окружали проникнутые передовыми материалистическими идеями века отец-химик, мать – видная деятельница общественного женского движения, старший брат Михаил – марксист,

революционер. Но, несмотря на это, уже тогда зерно веры было заронено в детскую душу. Произошло это благодаря няне Февронии Логиновой. «Старообрядка, раскольница, беспоповщинского толка, она была живым кладезем старых преданий кондовой Руси и духа народного. Необыкновенного ума, достоинства и благородства женщина, она мне открыла русский национальный мир и влияние ее на меня было чрезвычайно сильное, при природной моей впечатлительности» [1, л. 49], – вспоминал Н.А. Энгельгардт в «Эпизодах моей жизни». Ростки веры впоследствии обрели благодатную почву в учении Л.Н. Толстого, и несмотря на то что Н.А. Энгельгардт уважал и любил родителей и брата, во многом находил у них понимание и поддержку, он сформировал в себе независимое от них, проникнутое православной идеей мировоззрение. «...В юношеские годы со мной совершился внутренний, духовный переворот от материализма к идеализму и от атеизма к Евангелию, отчасти под влиянием "Исповеди" Льва Николаевича Толстого» [1, л. 55].

Верность христианским идеалам Н.А. Энгельгардт сумел сохранить до конца дней, оставшись в Советской России и умерев в блокадном Ленинграде в 1942 году. Причём, он находил высший христианский смысл в постреволюционных событиях, разворачивающихся на его глазах в стране, вставшей на путь атеизма.

«Теперь, стариком седым, после великого Октябрьского переворота, читая "Лестницу", я увидел ключ в ней к тому, что целый народ мог отречься от собственности и перейти к "общей жизни". <...> Да, свести на землю небесную правду. Отречься от собственности, от эксплуатации человека человеком. Учредить "общее житие"... Разве вы здесь не слышите голоса наших юношей – "ранних человеколюбцев"? Разве молодежь 70-х годов, отвергая капитализм, буржуазные идеалы, идя в народ, чтобы в нем проповедовать новую жизнь, "общую жизнь", не питала в себе бессознательные реминисценции древних наших мечтаний? "Общее житие – "земное небо"...» [1, л. 56-56 об.].

Религиозные мотивы можно встретить во многих стихотворениях первого стихотворного сборника Н.А. Энгельгардта. В некоторых из них они, не играя главенствующей роли, органично вплетаются в художественную ткань произведения в различных качествах, например, сравнения («Так же крест горит над Божиим храмом» – стихотворение «Богатырь») или важного компонента в описании идеального крестьянского бытоустройства в стихотворении «Под чужим окном» («Я подошёл к окну чужому – весёлый, тихий свет лия, горит лампада пред иконой... Сидит за ужином семья»). В этом стихотворении есть и прямое обращение к Богу поэта, тоскующего по гармонии народного существования, обращение к Богу, свидетельствующее о религиозности лирического героя, присутствует и в стихотворении «Вчера, любовь томимый...». Показательно, что не обходится без религиозной детали величественное символически-пейзажное изображение Родины в стихотворении «Ширь необъятная...» («Вон там над склонами дальних холмов, вместе с воронами искры крестов»). Основополагающее значение религиозной мысли для поэтического мира Н.А. Энгельгардта ярко раскрывает финал стихотворения «И прекрасна, и уныла...», в котором «родная сторона» обращается к поэту с призывом пробуждать религиозное чувство в народе «Если есть, о, сын скорбящий! у тебя в груди, в крови веры ключ животворящий, огонь божественной любви, – отогрей огнём святости мой страдальческий народ, и тогда в мои пустыни лето вечное придёт!» Эта тема получает развитие в стихотворении «Песня». Осознавая всю сложность достижения цели, поэт всё же верит, что сумеет найти отклик в людских сердцах.

Любовь в сердцах! Огонь в крови!
За мной, о, люди! Песнь любви
Вас поведёт во мгле ночей,
В сияньи пламенных лучей!

Особо следует остановиться на четырёх стихотворениях, открывающих вторую часть сборника, целиком посвященных различным аспектам христианского учения. Первое из них «Молитва». Его главная тема – утрата человечеством веры в Спасителя.

Поэт, полемизируя с Ницше, десятью годами ранее провозгласившего смерть Бога, декларирует:

Не умер Бог, и правда, и любовь,
Но сердце их [людей, Д.Б.] давно окоченело
И мёртвое живого не вмещает.

Красочно изобразив «погрязшую в похоти мирской» современность, поэт обращается к Богу с просьбой не отвращать лица от заблудших детей своих, ради младенцев, чистых дев, матерей и старцев, он взывает к милосердию и просит возродить «святую веру в нас». Лирический герой, не будучи атеистом (об этом говорит уже то, что он молится), не только не противопоставляет себя современникам, но и с помощью местоимения «мы» в финале стихотворения акцентирует своё единство с ними.

Нам холодно! Нам страшно! Мы одни!
Согрей нас, Боже! Посети нас, Боже!
Укрой нас, Боже, ризою своею –
Откройся нам, о позабытый Бог,
Утраченный народами Спаситель!

Тематически очень схоже с «Молитвой» и второе стихотворение «Сказал мне Бог: “От колыбели...”». Подобно лирическому герою пушкинского «Пророка», поэт у Н.А. Энгельгардта – посланник Бога.

Всевышний посылает его к «безумцам»-людям, чтобы он напомнил им о скором втором Пришествии. В завершающем стихотворении ответном слове поэта Богу звучат два мотива – приятие очищающего карательного огня и просьба не отвратить лица от человека.

Лишь от безумца человека
Не отврати лицо Своё –
Ты с нами был и есть от века,
Ты Свет, Любовь и Бытие!

Тематически близкое двум предшествующим третье стихотворение «Порабощённый Иерусалим» – это предостережение в форме исторического урока. Если отправной точкой предыдущего стихотворения стал пушкинский «Пророк», то о падении Иерусалима на Руси узнали на рубеже XI-XII вв., благодаря переводу «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия. Обращаясь к изображению событий первого века нашей эры, Н.А. Энгельгардт акцентирует внимание на том, что причиной бедствий израильского народа стала всё та же утрата связи с Богом.

Се, ветвь Израиля увяла!
Се, Бога нет в его рядах!

Интересно построение этого стихотворения. Оно состоит из трёх частей, в первой события излагаются с точки зрения римлян-завоевателей, во второй слово передаётся Богу, а третья часть – это напрасное взывание к Всевышнему порабощённых израильтян.

Завершает состоящий из четырёх стихотворений мини-цикл вольное переложение «Из псалма XVII». Взывающий к Богу поэт был услышан, и для него Господь открыл путь спасения. Заблудшему человечеству указан выход из тупикового положения. Таким образом поэтическая мысль от пронизанного безысходностью минора пришла к оптимистическим финальным аккордам.

Жив Бог! Погибла клевета!
Низвержен в бездну враг презренный!
А мне Господь и Царь вселенной
Отверз спасения врата.

Среди появившихся в различных журналах первой половины 1890-х гг. стихотворений Н.А. Энгельгардта к религиозной лирике относятся как минимум два. Это короткое трёхстрочное «Сила веры», гиперболически изображающее всемогущество искренней молитвы, и «Величие Божие». Последнее произведение имеет драматургически-диалогическую форму – Человек, Земля, Солнце, Сириус, Комета, Млечный путь, Бесконечность и Бог по очереди обращаются к читателю, раскрывая своё

значение в мире. Н.А. Энгельгардт, используя восходящую градацию, высмеивает высокомерие человека рубежа веков, уверовавшего в своё всемогущество:

Исчислил я миры; измерил глубь небес.
Нет тайн для разума, для сердца нет чудес!

Уже Земля убедительно доказывает безосновательность человеческой гордыни:

Вздоргну я – ты умрёшь, объятый бледным страхом,
Потопленный в волнах иль занесённый прахом.

Каждый же последующий персонаж, сравнивая себя с предыдущим и смеясь над его ничтожностью, косвенным образом исходный тезис Человека абсурдизирует всё в большей и большей степени. Бесконечность и Бог, завершающие стихотворную пьесу, ограничиваются короткой однострочной репликой, что, безусловно, усиливает значение сказанного.

Бесконечность

Я – грань для всех существ, пределы бытия.

Бог

Все станет тению, едва лишь дуну Я.

В завершение следует сказать о неопубликованном отрывке из поэмы «Лествица», содержащемся в также до сих пор не опубликованных мемуарах Н.А. Энгельгардта «Эпизоды моей жизни». Отрывок представляет собой 119 стихотворных строк, поделённых на пять главок, плюс две строки обрывающейся 6-й главки. Поэма – это рассказ от первого лица Иоанна Лествичника о своей жизни. Убежав в поисках истины от людей в горы, он узрел «возводящую от скорби бытия на небо лествицу». Живописно-музыкальное описание видения построено на антитезе. Восхождения праведников к деве Софии противопоставляется картине падения грешников, коих «великая блудница Вавилона, приемлет на свое клопочущее лоно».

Включающий эту поэму стихотворный сборник с таким же названием, как уже было сказано, опубликован не был. Н.А. Энгельгардт в порыве недовольства собой выбросил его в мусорное ведро. Впоследствии, спустя более десяти лет, к большому своему удивлению, он обнаружил его в переплетённом виде в Пушкинском Доме в собрании рукописей Дашкова. Как предположил сам Н.А. Энгельгардт, букинист по имени Алёша, ставший свидетелем импульсивного поступка, подобрал рукопись и передал её Дашкову, так как у него «был уговор со всеми букинистами, чтобы попадающиеся им рукописи они представляли ему на просмотр» [2, л. 40 об.].

Остаётся надеяться, что рукопись «Лествицы» не погибла, может быть, каким-либо чудесным образом обнаружатся и другие стихотворные сборники Н.А. Энгельгардта.

Литература

1. Энгельгардт Н.А. Эпизоды моей жизни. Ч. 1-2. РГАЛИ. Ф. 572. Оп. 1. Ед. хр. 343.
2. Энгельгардт Н.А. Эпизоды моей жизни. Ч. 4-6. РГАЛИ. Ф. 572. Оп. 1. Ед. хр. 345.

Примечание

Лествица

1.
От юности презрев молву и прелесть света,
Бежал я с грешными содружеств и совета,
Но старца мудрого, как некий изумруд
Найти я прилагал все тщание и труд.
Кто в созерцаниях святых, непреткновенно
Проводит жизнь, поправ гордыню плоти тленной,
Отца, наставника подвижнических дел,
Кто б указал мне путь в желаемый предел.
Но тщетно обходил пустыни я и грады –
Нигде не обретал спасительной ограды.
Весь мир во зле лежит и служит сатане.
Куда мне убежать? Куда сокрыться мне?
И у самих телес отшельников нетленных

Я видел алчных псов, на злато распаленных.
И демоны, надев подвижников наряд,
Чревоугодие и тайный блуд творят.
Среди толпы ханжей и наглых лицемеров
Каких искать могу спасительных примеров?
Тогда от ног своих отряс я самый прах
И одинок пошел спасаться в сих горах.
Мне одр – сухой тростник, пещера мне жилище,
Наставник – череп сей, плоды лесные – пища.
Пусть стаи демонов слетаются к горе, –
На страже я стою, вознесши ум горе.
Лукавым у того не обрести ловитвы,
Кто держит помыслы на пламени молитвы.

2

Однажды в полночь я вздремнул на малый час.
Вдруг: «Выйди, Иоанн!» извне сказал мне глас.
Я спросил: «Кто ты?»
– Служитель горней славы
Пришел тебе открыть спасения уставы
И возводящую от скорби бытия
На небо лестницу.
И усумнился я.
Нет божий посланец грехов не стерпит смрада
Бесчисленных моих. То верно бес из ада.
Вид светлый ангела лукавый принял дух...
Не верь?! Закрой пред ним свой ум, и вздор, и слух!
Гони, гони скорей сей помысл горделивый!
Но Ангел мне сказал:
– Злой раб и нерадивый!
Что медлишь? Сам Господь к тебе послал меня.
И я поверил вдруг и вышел не косня.

3

И вижу: Муж крылат и тихий свет от лика.
И вывел Ангел тот меня среди великой
Пустыни и по край небес была она,
Как лоно тихих вод, безбрежна и ровна.
Ни камня, ни холма, ни хижины, ни древа,
Лишь крыл курясь туман ее нагое чрево;
И в трепете огней полуночных светил.
Небесный свод над ней вращался и светил.
«Что видишь, Иоанн?» – меня спросил бесплотный.
«Степь...» – я отвечивал в сомненьи неохотно.
«Еще кругом взгляни!» Я посмотрел и вдруг
Подобен стал тогда земли великий круг
На темное стекло иль вешнее зеркало,
И отраженное в нем небо замерцало.
И бездна подо мной разверзлась мглы полна
И в ней багровые клубились пламена,
И вся дымилась, как чаша из агата
С волшебным куревом, оправлена богато.
И лестницу тогда увидел я, дивясь –
Она вершиною до неба вознеслась,
А низ в великое зеркало упирался,
И образ лестницы в нем как бы отражался,
И в бездну мрачную спускалася она
И там касалась курящегося дна.

4

И вот по ступеням, что в небеса возводят
Святые Божие восходят и нисходят
И духи чистые стоят на ступенях:

Трепещет радуга на сложенных крылах;
Одежды белы их как свет и как зарницы
Сверкают тех мужей орлиные зеницы;
Из пламени венцы сияли на главах;
Дымясь, кадельницы звенели в их руках,
И ширясь плыл вокруг ног их фимиам клубами,
И сами светлыми казались столпами.
Вся лествица в дыму сверкала как кристалл,
Сафир и аметист на ступенях блистал,
Смарагд и гиацинт, и яспис, и бериллы;
Плетницы лилий, роз как бы ее перилы
И хор таинственных незримых умных сил
Над ней песнь сладкую Сокрытому гласил.
Гремел их глас как гром, слабел и затихали.
Тогда кадельницы звеня благоухали.
И разноцветные над лествицей лучи
Пересекались, как быстрые мечи,
Мужами брани изошренные для битвы.
Лежали как роса на лествице молитвы
И светлость горняя являлася над ней
Как море пламени. И Дева меж огней
Достигших на свою воспринимала выю.
В той Деве я узнал желанную Софию.

5

Я опустил лицо, небесной ослеплен
Мой ум, как вынутый младенец из пелен
Бессильно трепетал. О, мне ль подняться дерзко
По горней лествице! И тут дохнула мерзко
В лице мне бездна преисподняя, стократ
Всех смрадов на земле смрадней был адский смрад!
Багрова и жарка разверзтая утроба!
Горе – нетленный Рай, а телу – Ад и оба
Влекут меня к себе... И блудна, и пьяна,
Как чаша полная горячего вина,
Мне бездна адская кружила ум, и гадок
Был смрад ее душе моей и вместе сладок.
И хохот, визг и стон из бездны вылетал.
Огнями яркими кромешный Ад блистал.
И мужи, и жены, и юноши, и девы,
Руками соплетясь, под блудные напевы
Нисходят лествицей пороков и грехов.
И падших видел я на ней толпы духов.
И крылья их черны, и взоры сладострастны,
Они обнажены, коварны и прекрасны.
Ужасен алых уст жестокий, наглый смех!
Движенье каждое рождает смертный грех!
Объятья их – огонь и поцелуи – жало.
И мимо них толпа безумная бежала.
В курениях на дне несытая жена
В багровом пламени стоит, обнажена,
И всех, великая блудница Вавилона,
Приемлет на свое клопочущее лоно.

6

Я очи отвратил. Спирался дух в груди.
И Ангел мне сказал: «Мужайся. Восходи».

D.V. Buteev

Religious lyrics of N. Engelhardt

Key words: religious lyrics; N. Engelhardt; Silver age; the memoirs; the Smolensk region.

Abstract: the article examines one facet of the diverse creative heritage of N. Engelhardt is one of the representatives of the Silver age. Religious lyrics occupies an important place in the art world N. Engelhardt His poetic mission he believed a revival of religious feeling in the hearts of God's forgotten people. In the field of view of scientific analysis of the fall and previously unpublished poetic work.